

Ю Л А Й Т У М А Н О В

МИНУС
ВТОРОЙ

РОМАН УЖАСОВ

18+

Юлай Туманов

Минус второй

«Автор»

2026

Туманов Ю.

Минус второй / Ю. Туманов — «Автор», 2026

После суточного дежурства фельдшер Дарья Левина возвращается домой и оказывается у лифта, в котором пропал соседский мальчик. Диспетчер уверяет: кабина пуста, неисправностей нет. Но на табло появляется минус второй этаж — уровень, которого нет ни на кнопках, ни на плане дома. За стеной подвала ремонтники вскрыли старый затопленный тоннель. Теперь из вентиляции слышны детские голоса, по трубам передаются странные щелчки, а привычный подъезд становится ловушкой. Вместе с лифтовым мастером Марком Рудиным Дарье предстоит найти пропавшего ребёнка и защитить собственного сына. Пока жильцы ждут объяснений, из глубины поднимается то, что годами жило под их ногами. Городской роман ужасов о хрупкости безопасного дома, цене чужой халатности и людях, которые помогают друг другу, когда привычный мир рушится.

© Туманов Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПОД ПЛИТОЙ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИФТ	7
Глава 1. Дежурство	8
Глава 2. Под номером ноль	10
Глава 3. Чужая работа	13
Глава 4. Решётка	16
Глава 5. Коридор	18
Глава 6. Не отпускай	20
Глава 7. Наружу	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТЕНЫ	24
Глава 8. Кладовая	25
Глава 9. Звуки в трубах	27
Глава 10. Человек с ключом	31
Глава 11. Сигнал на девятый	33
Глава 12. Квартира сто двадцать шесть	35
Глава 13. Три метра воздуха	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлай Туманов

Минус второй

ПРОЛОГ. ПОД ПЛИТОЙ

Юрий Семёнов не любил работать по ночам. Не потому, что боялся темноты. Просто после полуночи любая работа превращалась в ожидание неприятностей: до нужного человека не дозвониться, магазин закрыт, а если порежешь руку, до травмпункта придётся ехать на такси.

Но Борисыч обещал за срочность двойную оплату, и Юрий согласился.

Подвал семнадцатизатжки на улице Садовой пах цементом, мокрой ветошью и протухшей водой. Днём здесь меняли трубы отопления. Вечером бригада ушла, оставив возле стены отбойный молоток и открытый прямоугольный проём в кирпичной кладке. По словам прораба, за стеной должен был находиться засыпанный старый приямок. Нужно было вварить в проём раму, закрыть его листом и никому из жильцов лишнего не показывать.

— Если там пустота, сообщи, — сказал по телефону прораб Бородин. — Не лазай. Закрой и всё.

Юрий посветил внутрь.

Кирпичная кладка обрывалась в колодец метров трёх глубиной. Ни мусора, ни засыпки. На дне лежала вода — чёрная, совершенно неподвижная. Вниз уходила металлическая лестница. Скобы в стене были стёрты так, будто по ним много лет что-то поднималось и спускалось.

Он присел у края, вынул из кармана телефон и сфотографировал отверстие. На снимке вместо гладкой воды вышло тёмное пятно с длинной белой царапиной посередине.

— Херня какая-то, — сказал он вслух.

Из глубины пришёл звук. Тихий, как если бы кто-то медленно провёл мокрой ладонью по кафелю.

Юрий посветил ещё раз. Поверхность воды дрогнула. Через секунду у лестницы всплыло нечто бледное, продолговатое, с суставом посередине. Оно зацепилось за нижнюю скобу и сразу ушло под воду.

Юрий выпрямился слишком резко, ударился затылком о трубу и выронил фонарь. Фонарь стукнулся о край и упал вниз. На мгновение свет отразился от воды, осветив толстые кирпичные стены, жёлтую краску на дальнем люке и поверхность, усеянную десятками мелких пузырьков.

Потом что-то сомкнулось над фонарём.

Свет пропал.

Юрий отступил в коридор. Он хотел позвонить Бородину и сказать, чтобы тот сам шёл заваривать свою дыру. Но телефон завибрировал у него в руке раньше.

«Ты закончил?» — спросил Бородин.

Юрий набрал ответ. Написал: «Там кто-то есть». Стер. Написал: «За стеной не приямок, целый тоннель». Отправил.

В проёме зашуршало.

По обшарпанному полу на свет медленно выползла человеческая ладонь. Она была слишком длинной, а пальцы сгибались не там, где должны. Между ними тянулись прозрачные перепонки. Ладонь нащупала кусок отколотой плитки, сжала его и беззвучно раздавила.

Юрий попятился. За спиной оказалась запертая железная дверь.

Он успел один раз ударить в неё кулаком.

Второй удар уже прозвучал изнутри стены.

Утром Бородин скажет полиции, что Юрий после смены ушёл домой. Телефон пропавшего сварщика найдут через два дня в кабинке пассажирского лифта. Экран будет разбит, батарея разряжена, а в журнале последних звонков останется вызов с номера Бородина. Про- раб звонил уже после того, как, по его собственным словам, видел Юрия уходящим из подвала.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИФТ

Глава 1. Дежурство

Дарья Левина вошла в подъезд в семь сорок утра с пакетом из круглосуточной пекарни, намокшей насквозь курткой и тяжестью в ногах после двадцатичетырёхчасового дежурства. Она работала фельдшером скорой помощи уже четырнадцать лет и успела узнать простую вещь: отсутствие сна делает любое чужое несчастье ещё страшнее, потому что перестаёшь доверять собственной голове.

Сегодня ночь была обычной. Два гипертонических криза, пьяный мужчина со сломанным носом, старушка с сахаром под двадцать и один вызов к ребёнку, который проглотил железную гайку. Дарья хотела душ, кофе и четыре часа тишины.

На первом этаже у лифта стояла соседка Тамара Петровна, завёрнутая в серый кардиган. Перед ней на полу лежала стопка листовок.

— Даш, не садись, — сказала соседка, едва увидев её.

— Куда?

— В лифт. Он опять чудит.

Тамара Петровна говорила так обо всём: лифт чудил, сантехники чудили, домофон чудил, управляющая компания чудила совершенно безнаказанно. Поэтому Дарья машинально подняла глаза на горевшую над дверью цифру «1».

— Что случилось?

— Вчера вечером спустился вниз и минут десять не открывался. Сосед с тринадцатого слышал внутри стук. Диспетчер сказал, что пустая кабина.

— Электрика. Строители весь подвал раскурочили.

— А ты спроси, зачем они туда в девять вечера возят мешки, если работы по графику до шести.

Лифт тихо щёлкнул и открылся. Кабина была пустая, вымытая, пахла новым пластиком. Вчера заменили панель вызова. Под блестящим рядом кнопок кто-то оставил прямоугольный след клея. Дарья заметила его, но подумала только о том, что мастера опять не довели работу до конца.

— Я пешком, — сказала она соседке. — Мне на шестой не так страшно.

На третьем этаже она услышала, как лифт пошёл вниз. Шум двигателя обычно передавался по стене лестничной клетки лёгкой дрожью. Теперь он двигался дольше обычного — глухо, натужно, словно кабину тащили по мокрому бетонному коробу.

Дарья остановилась между этажами.

Шум не прекращался.

Затем далеко снизу раздался удар. Металл звякнул один раз, как пустая бочка, и всё стихло.

В квартире сын Матвей уже собирался в школу. Двенадцатилетний, длиннорукий, с вечно спутанными волосами, он сидел за столом и пытался приклеить тонкую медную проволоку к пластиковой коробочке.

— Что опять взорвать собираешься?

— Ничего. Это датчик воды. Если протечёт, он запищит.

— Лучше бы будильник сделал, который вставать заставляет.

Матвей поднял на неё глаза.

— Ты опять всю ночь не спала?

— А ты опять не завтракал?

Они договорились друг друга не допрашивать. Дарья разогрела ему сырники, проверила в дневнике сообщение о контрольной и только потом заметила на экране телефона три пропу-

щенных звонка от бывшего мужа. Павел хотел забрать Матвея на выходные, но предупредил, что его снова отправляют в командировку. Ответить Дарья не успела: на площадке закричали.

Голос был детский, срывающийся. За ним раздался металлический грохот.

Дарья выбежала в коридор. Напротив лифта стояла Эля Ковалёва с маленькой дочкой Лизой на руках. Женщина прижимала ребёнка к груди и плакала. На коврик валялись рассыпанные яблоки.

— Там Костя, — повторяла она. — Он вошёл. Я только сумку подняла. Двери закрылись, а потом кабина ушла вниз.

— Какой Костя?

— Мой сын. Девять лет. Он хотел ехать раньше нас.

Дарья набрала диспетчера лифта. Голос в трубке сообщил, что кабина по датчику стоит на первом этаже. Вызовов нет, неисправности не зарегистрированы.

— Вы проверьте, — жёстко сказала Дарья. — Внутри ребёнок.

На табло над дверями загорелась цифра «0».

А потом «-1».

Такого обозначения в доме никогда не было.

Глава 2. Под номером ноль

Первым пришёл Игорь из семьдесят второй квартиры — невысокий грузчик в спортивных штанах, с огромной связкой ключей. Он был уверен, что всё дело в сгоревшем контроллере.

— Лифты китайские, монтаж наш, — объяснил он. — Два раза кнопку нажмёшь — он тебе и на Марс поедет.

Тамара Петровна шлёпнула его газетой по локтю.

— Хватит языком. Ребёнка достань.

Костина мать сидела на ступеньке и звонила мужу. Дарья велела Матвею принести воды и зарядку для телефона. Она уже сообщила в службу спасения о застрявшем ребёнке, хотя диспетчер упорно говорил об отсутствии ошибок.

Минут через пятнадцать в подъезд вбежал худой мужчина в грязной синей куртке. На спине было вышито: «Рудин. Лифтовая служба». Он сначала посмотрел не на кабину, а на след клея под кнопками.

— Кто панель ставил? — спросил он.

— Вчерашние, — ответила Тамара. — А вы кто?

— Марк Рудин. Меня дежурный мастер позвал, пока их бригада в пути.

Он осмотрел двери шахты, проверил, на каком этаже по схеме должна находиться кабина, прислонил ухо к створке и коротко постучал костяшками пальцев.

— Костя! Слышишь меня?

В ответ по шахте прошёл шорох. Что-то мягкое протащили по железу. Эля резко встала, но Марк показал ей ладонью оставаться на месте.

— Сколько времени он внутри?

— Минут двадцать, — сказала Дарья.

— Если кабина ниже посадочной площадки, вскрывать дверь нельзя. Упадёте в шахту. Я сначала проверю питание и канаты.

— Здесь написано минус два, — прошептал Матвей.

Все взглянули на табло.

Над дверями стоял крошечный красный знак: «-2». Откуда взялось это обозначение на новой панели, никто из жильцов объяснить не мог.

На панели управления внутри кабины такая кнопка отсутствовала. Марк попросил ключ от технического помещения, но Тамара объяснила, что замки сменили ремонтники. Тогда он позвонил старшему мастеру. Разговор получился коротким и некрасивым.

— Кто подписывал схему новых конечников? — спросил Марк. — Нет, я не спорю, я спрашиваю: кто? ... Тогда приезжай и сам посмотри.

Он убрал телефон и повернулся к Дарье.

— По чертежам ниже подвала есть только приямок. У кабины направляющие, буферы и несколько независимых защитных цепей: снять один концевой выключатель недостаточно, чтобы она уехала на новый этаж. «Минус два» может быть ошибкой перепрограммированной панели. Но рабочие пробили стену возле приямка, а за ней оказалась полость. Если мальчик выбрался из остановившейся кабины через повреждённые двери, то мог попасть в этот ход. Сначала нужно точно установить положение кабины и обесточить привод, а потом искать ребёнка.

Снизу раздались три коротких удара.

Эля бросилась к дверям.

— Костенька!

Марк схватил её за запястье прежде, чем она сунула пальцы в щель.

— Не трогайте.

Три удара повторились, уже медленнее. Потом что-то тяжёлое скользнуло по внутренней стороне металла.

Дарья стояла рядом с Марком и слышала, что звук идёт не из кабины. Гораздо глубже. Будто по трубе стучат на расстоянии нескольких этажей вниз.

— Костя! — крикнула она. — Если слышишь, стукни один раз!

Наступила тишина.

И только после паузы снизу донёсся отчаянный детский голос:

— Не открывайте там! Тут вода!

Марк побледнел.

Голос пришёл не из лифта. Он прозвучал через вентиляционную решётку у самого пола.

Глава 3. Чужая работа

В девять двадцать приехали двое аварийных лифтеров. Они были в одинаковых куртках, держали служебные удостоверения и говорили только по делу. Марк повёл их к лифтовому оборудованию, где уже ждали представитель управляющей компании и человек в каске. Прежде чем вскрывать шахту, аварийная бригада вывела привод из работы и зафиксировала отключение, чтобы никто не запустил кабину с диспетчерского пульта.

Человека звали Сергей Бородин. Он руководил капитальным ремонтом подвала и утверждал, что никакой второй подземной отметки не существует.

— Контроллер встал в аварию, — повторял он. — Диспетчер ошибку сбросит, кабина вернётся.

— При возможном нахождении ребёнка в шахте ничего удалённо не перезапускать, — отрезал Марк. — Сначала положение кабины и блокировка привода.

— А ребёнок где? — спросила Дарья.

— В кабине, наверное.

— «Наверное» — это ответ прораба?

Бородин посмотрел на неё с раздражением.

— Женщина, не мешайте специалистам.

Марк отодвинул крышку щита и вытащил папку с новыми схемами. Между аккуратными листами оказалась распечатка, испачканная цементом. На ней старый фундамент соединялся тонкой линией с кирпичным тоннелем, уходящим за пределы дома.

— Откуда это? — спросил один из лифтеров.

Бородин протянул руку к папке.

Марк убрал её.

— Вы вмешивались в цепь нижних конечных выключателей? В блокировки дверей?

— Мы к лифтам не относимся.

— В акте у вас написано: «доступ в технологический приямок». Какой приямок?

Бородин молчал. За стеной щитовой что-то ударило по трубе. Глухой стук прокатился вверх и растворился в бетоне.

В помещении стало тихо.

— Отведите людей с первого этажа, — сказал Марк. — И никого не пускайте в подвал, пока не приедут спасатели.

— Кто ты такой, чтобы командовать? — спросил Бородин.

— Тот, кто подписывать акт после вашей работы не будет.

У лифта скопилась толпа. Кто-то снимал видео, кто-то ругался из-за задержки, кто-то требовал включить вторую кабину. Дарья позвонила в 112 ещё раз, уточнила, что ребёнок может находиться не в кабине, а под шахтой, и попросила отправить пожарных с доступом в технические помещения.

Затем на лестнице мигнул и погас свет.

С верхних пролётов донёсся крик. Держась за перила, к первому этажу спускался мальчик в школьной форме. Его рубашка была в мокрых серых полосах, а левый ботинок потерян. Он шатался и не сразу узнал мать.

— Костя! — Эля схватила его, и они оба осели на пол.

Дарья опустилась рядом, быстро проверяя сознание и дыхание. У мальчика были ссадины на предплечьях и неглубокая рваная рана над лодыжкой. Он дрожал так, что зубы стучали друг о друга.

— Где ты был?

— Я ждал, — прошептал Костя. — Кабина стояла у первого, а двери не открывались. Потом снаружи появилась рука и разжала створки. Я выскочил. Возле шахты была открытая служебная дверь, за ней ступени вниз. Я думал, через подвал к подъезду выйду. Там темно. Потом меня кто-то дёрнул за рюкзак.

— Человек?

Он затряс головой.

— Оно ходило на руках. А ноги... ноги за ним тащились.

Дарья хотела спросить ещё, но мальчик вдруг замолчал. Он уставился в конец коридора, где была решётка вентиляции.

По её металлическим планкам медленно протянулась мокрая полоска. Кто-то с другой стороны проводил по ним пальцем.

Спустя полчаса после возвращения сына Эля Ковалёва увидела мокрое пятно на его школьной куртке. Куртка лежала на стуле в комнате первого этажа, где прибывший врач устроил временный медпункт. Костя сидел рядом, поджав ноги и обхватив колени. Он был жив, отвечал на вопросы, пил воду маленькими глотками. Можно было бы сказать себе, что самое страшное позади, если бы мальчик не вздрагивал каждый раз, когда под полом включался насос.

— Откуда эта грязь? — спросила Эля.

— Там вода была.

— Где «там»?

Костя посмотрел на врача. Тот на секунду отвёл глаза: взрослые успели поговорить, пока мальчика осматривали.

— Внизу, — сказал Костя. — Ниже подвала.

У Эли зазвонил телефон. Воспитательница Лизы спрашивала, почему девочку сегодня не привели в садик. Эля сбросила вызов, потом почувствовала стыд за это движение. Она хотела ответить, что сейчас всё нормально, что скоро приедет, что её сын просто застрял в лифте, но во рту была сухость и невозможно было составить одну правдивую фразу.

В коридоре спорили двое мужчин: один предлагал открыть все двери на первом этаже, второй требовал вообще отключить электричество. Обе идеи произносились уверенно. Ни один не знал, что находится за стеной.

— Сынок, — произнесла Эля, — ты ведь не пытался открыть двери сам?

Он мотнул головой.

— Я помнил. Ты говорила никогда не вылезать самому.

— Правильно.

— Я ждал, как ты говорила. Потом оно отжало двери. Я побежал по открытой лестнице, потому что боялся оставаться в кабине. Там был настоящий подвал, не ещё один этаж лифта.

Доктор встал и аккуратно прикрыл дверь. Мальчик долго разглядывал линию между дверью и косяком. Эля хотела обнять его, но Костя отодвинулся: не из нелюбви — у него болели плечи после того, как он держался за поручень, пока кабина тряслась.

— Оно рукой щупало, — сказал он. — Как слепой человек, только быстро. А потом учуял меня.

— Увидело?

— Нет. Я думаю, слышало. Я зубами стучал.

Эля почувствовала, что сама начинает стучать зубами. Чтобы Костя этого не заметил, она прикусила губу и стала говорить о Лизе: у той сегодня репетиция праздника, она наверняка забыла слова песни и будет обижаться на всех, кто спросит. Костя слабо улыбнулся.

Потом Эля попросила у доктора разрешения увести сына домой. Тот сказал, что выход из подъезда пока перекрыли спасатели и безопаснее оставаться в помещении. Разговор получался совершенно будничным, будто речь шла о том, сколько ждать результатов анализов.

С лестницы донёсся удар, похожий на падение тяжёлого шкафа. Доктор выбежал в коридор. Через секунду раздался крик, непохожий ни на возглас при аварии, ни на голос человека, которому стало плохо. Он был короткий и оборвался так резко, будто кричащему закрыли рот ладонью.

Эля схватила Костю и потащила к окну. На улице рядом с подъездом ещё стояли прохожие, кто-то снимал на телефон. Она открыла створку и крикнула им отойти. Не потому, что знала правильный способ спасения. Просто видела: люди смотрели на окна, а в тёмном коридоре позади них уже двигалось нечто белое.

Два часа спустя Костя будет рассказывать полицейскому, что он слышал под лифтом несколько разных щелчков. Тогда никто не поймёт, почему это важно. Эля запомнит другое: перед тем как они побежали, сын не спросил, что с ними будет. Он спросил, где Лиза, и добавил: «Только не говори ей про руки. Она потом спать не сможет».

Глава 4. Решётка

До того как Костю отвели во временный медпункт, первые двадцать минут после его возвращения прошли так, как обычно проходит чрезвычайная ситуация в жилом доме: одновременно слишком много людей хотели помочь и почти никто не понимал, чем именно.

Эля пыталась увести сына домой. Тамара Петровна носила чай. Игорь искал йод. Кто-то вслух обвинял ремонтников, кто-то — управляющую компанию. Дарья осторожно промыла мальчику раны чистой водой, закрыла их стерильной повязкой и попросила не заставлять его вспоминать произошедшее.

— Пусть врач в больнице посмотрит, — сказала она Эле. — Особенно ногу. Он мог удариться о ржавое железо.

Костя держал мать за рукав. На всякий звук у стены он вздрагивал и втягивал голову в плечи.

Марк вернулся со связкой ключей и пришедшими спасателями. Старший, капитан Соколов, был высоким человеком с короткой седой бородой. Он не спрашивал, верит ли кто-нибудь в рассказ ребёнка. Сначала осмотрел рану, схему шахты, помещение, где работали ремонтники, и лестницу в подвал.

— Сколько людей в доме? — спросил он.

— Сто восемьдесят семь зарегистрировано, — быстро ответила Тамара. — Фактически больше. Два подъезда. В соседнем отдельные лифты.

— Тогда начнём с вашего. Людей с нижних этажей попрошу временно выйти. Остальные пусть не пользуются лифтом и не заходят в технические помещения. Осмотрим конструкцию.

— А вы думаете, ребёнок врёт? — спросила Эля.

— Я думаю, что ребёнок травмирован. Поэтому сначала проверяю место, где он был.

Соколов говорил спокойно и этим сразу вернул всем возможность дышать.

В квартире Дарья посадила Матвея за кухонный стол и велела никуда не выходить. Он возмутился. Она не стала спорить, только дала ему свой запасной телефон.

— Зарядка в коридоре, мой номер в избранном. Если что-то слышишь за стеной — не проверяешь, не фотографируешь, не геройствуешь. Звонишь мне и уходишь в гостиную.

— Мам, мне двенадцать, а не пять.

— Именно поэтому я надеюсь, что ты сделаешь как прошу.

После подтверждения отключения привода аварийные лифты зафиксировали кабину и вместе со спасателями открыли штатный доступ к приямку. Лифт находился на уровне первого этажа, пустой. На полу кабины темнело мокрое пятно, а возле задней стенки лежал синий шнурок от детского ботинка.

Марк показал фонарём на нижнюю часть направляющей.

— Видите свежий след у нижнего буфера? Кабина останавливалась у самого края допустимого хода. Цепь конечного выключателя переделана, но вниз за буферы она пройти не могла. А вот стену приямка вскрывали: за ней был проход в старую вертикальную полость. Его кое-как закрыли новым листом.

— Лист откуда? — спросил Соколов.

Марк указал на Бородин, стоявшего поодаль.

Тот поднял руки.

— Мне заказчик дал команду закрыть опасную нишу. Всё согласовано.

Один из спасателей простучал металл длинным инструментом. Лист был тонкий, сварные швы свежие. Из-за него шёл тяжёлый запах сточной воды. Затем, прямо на глазах у всех, выпуклость посередине листа медленно увеличилась.

Бородин сделал шаг назад.

Металл изнутри вдавило ещё раз. Послышалось длинное царапанье, будто по стали тянули связку крючьев.

— Всем назад, — сказал Соколов.

Спасатель справа вскинул фонарь.

Из вентиляционного отверстия над их головами свесилась бледная полоска. Сначала показалось, что это кусок мокрой изоляции. Затем полоска согнулась в трёх местах и коснулась каски ближайшего человека.

— Сзади! — крикнул Марк.

Каска слетела на пол. Человек опрокинулся, ударившись затылком о ступень. Белая конечность втянулась обратно в решётку, оставив на металле слизь.

Соколов вытащил пострадавшего за куртку. Дарья, услышав крики, уже бежала вниз.

За её спиной во всех квартирах на первом этаже одновременно затрещали вентиляционные решётки.

Глава 5. Коридор

Когда что-то нападает на человека, время почему-то тянется не медленнее, а быстрее. Дарья успела увидеть только разбитую каску, кровь у уха спасателя и Соколова, который всей тяжестью прижимал дверь подвала.

— Не сюда! — крикнул он. — Выше! Всех выше!

Дарья опустилась к раненому. Мужчина был в сознании, но взгляд не фокусировался. На левой щеке тянулись три узкие полосы, словно он ободрал лицо о проволоку. Она зафиксировала ему голову и попросила не двигаться.

— Кто это сделал?

Он попытался ответить. Вместо слов выдохнул воздух и закашлялся. Соколов вызвал по рации дополнительные расчёты и полицию. Теперь он говорил сухо, короткими командами.

— Непонятное животное в вентиляции и подвале. Пострадавший. Начата эвакуация. Нужны газоспасатели, тепловизор, проверка коммуникаций.

В другой ситуации слова «непонятное животное» прозвучали бы смешно. Сейчас никто не улыбнулся.

Бородин хотел пройти через входную дверь на улицу, но Марк встал у него на пути.

— Оставь схему.

— Отойди.

— Ты знал, что там полость.

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать.

— Обсудишь с полицией.

Соколов не дал им сцепиться. Он направил звено к незадымляемой лестнице и распорядился организовать поэтажную проверку. Жильцов, до которых не дошли существа и где проходы оставались безопасными, выводили по лестнице; из отрезанных квартир людям велели сообщать своё местоположение и ждать адресной помощи, не спускаясь навстречу опасности. Во дворе люди в тапках и домашних куртках толпились под навесом магазина. Дождь становился сильнее. Через несколько минут приехали скорая и пожарная автоцистерна.

Дарья помогла переложить пострадавшего на носилки, а потом вспомнила о Матвее и побежала на шестой этаж. Ступени были мокрыми от чужой обуви. На четвёртом стояла распахнутая дверь, за ней плакал младенец. Дарья крикнула, чтобы женщина с ребёнком спускалась, и побежала дальше.

Её квартира была закрыта.

Она позвонила. Не ответили.

Набрала Матвея. На площадке за дверью раздался приглушённый звонок его телефона. Потом звук оборвался.

— Матвей!

Она достала ключи и открыла дверь. На кухне горел свет. На столе лежали недоеденные сырники и проволока от его датчика воды. В коридоре стояли ботинки сына.

Из ванной доносилось шипение.

Дарья заглянула туда. Кран был закрыт. На кафеле, под вентиляционной решёткой, виднелись мокрые отпечатки, похожие на следы большого животного, только пальцев было шесть и все разной длины.

Она сделала два шага назад.

Из-за стены слышался голос Матвея:

— Мам! Я тут! Не подходи к решётке!

В противоположной комнате что-то рухнуло. Дарья не успела обернуться — решётка над ванной отлетела, ударила по раковине и упала в воду. Из темноты вырвалась белая конечность.

Она нащупала дверной косяк, согнулась, и следом показалось плечо — голое, жёсткое, под кожей двигались верёвки мышц.

Существо не пролезало в отверстие целиком. Оно давило на края, расширяя их, и из гипса сыпалась белая пыль.

Дарья схватила тяжёлую корзину с бельём и бросила прямо в отверстие. Корзину отбило назад с такой силой, что она ударила её по плечу. Дарья захлопнула дверь ванной и подперла ручку шваброй.

— Матвей! Где ты?

— В кладовке! Тут люк!

Когда в квартире делали ремонт, прежние хозяева закрыли узкую нишу у мусоропровода шкафом. Дарья всегда считала её бесполезным техническим коробом. Теперь дверца шкафа висела на одной петле. В глубине темнела дыра, а в ней мерцал телефон Матвея.

— Я полез посмотреть, куда звук идёт, — захлёбываясь, сказал он. — Потом оно вылезло из ванной. Я назад не успел.

Она увидела пальцы сына, вцепившиеся в край бетонного проёма.

— Не двигайся. Я тебя вытащу.

За дверью ванной что-то потянуло швабру. Деревянная ручка треснула.

Дарья просунула руку в нишу, схватила Матвея за запястье и потянула. Он выбрался по грудь. В ту же секунду из тёмного короба снизу потянули за его ногу.

Матвей закричал.

Глава 6. Не отпускаяй

Дарья никогда не думала, что будет выбирать, за какую часть собственного ребёнка держаться крепче. Она обеими руками тянула Матвея за предплечья и слышала, как ткань его джинсов рвётся ниже колена.

— Пинай! — закричала она сыну. — Чем можешь!

Матвей ударил свободной ногой внутрь ниши. Что-то влажно шлёпнуло, хватка ослабла. Он выпал на пол вместе с Дашей. На его голени тянулись глубокие красные борозды. Явной деформации Дарья не видела, но без снимка исключить перелом было нельзя.

Из короба появился конец длинной костлявой руки. Он слепо шарил по плитке. Кожа на нём была белёсой, как у рыбы, которую только что вытащили из проруби. Ногтей не было. Вместо них кончики пальцев заканчивались твёрдыми прозрачными пластинами.

Дарья ударила по этой руке металлической ножкой табурета. Ударила ещё раз. Кость хрустнула, пальцы согнулись, но существо не издавало ни звука.

Она подхватила Матвея, оттащила к входной двери и распахнула её. По лестнице снизу бежал Марк. Он увидел кровь на ноге мальчика и больше ни о чём не спрашивал.

— Сможешь вниз? — спросил он.

— Смогу, — ответил Матвей сквозь слёзы.

— Тогда впереди меня. Не останавливайся.

Они уже спустились на полпролёта, когда за их спинами раздался удар. Что-то выбило дверь Дарьиной квартиры вместе с дверной коробкой. По ступеням посыпалась штукатурка.

Марк обернулся, посветил налобным фонарём и тихо выругался.

Из проёма показалась голова. У существа не было видимых глаз. Лицо представляло собой гладкий выпуклый щит, разрезанный почти от одного уха до другого тонкой влажной щелью. Щель разошлась, обнаружив два неровных ряда мелких зубов, похожих на иглы. Оно втягивало воздух короткими движениями горла и прислушивалось к их шагам.

— Не беги, — сказал Марк.

— Почему?

— Лестница узкая. Упадёшь.

Дарья прижала руку к кровоточащей ноге сына и повела его ниже. Существо скользнуло на площадку. Оно двигалось на четырёх конечностях, но задние были значительно короче. Когда оно подняло голову, кожа под горлом натянулась, и из глубины пасти послышалось частое сухое щёлканье.

Марк вынул из кармана тяжёлую связку ключей и бросил вверх по лестнице. Металл зазвенел о перила. Существо дёрнулось за звуком и бросилось туда так резко, что Дарья ощутила порыв воздуха.

— Теперь вниз, — сказал Марк.

На третьем этаже им встретилась Тамара Петровна. Она держала в одной руке сумку с документами, в другой — большую поварёшку.

— Вы чего опять здесь? Я всех уже вывела!

— Уходим, — ответила Дарья.

Сверху послышалось трение тяжёлого тела о стены.

Тамара посмотрела им за плечи и изменилась в лице. Потом повернулась, приподняла юбку и побежала по лестнице с такой скоростью, какой Дарья от неё никогда не видела.

У первого этажа путь перекрывала красно-белая лента. За стеклянными дверями подъезда стояли пожарные. Один из них махал им, показывая, чтобы они быстрее выходили.

Они успели сделать четыре шага к двери.

В этот момент в шахте второго лифта что-то сорвалось вниз, и пол под лестничной площадкой дрогнул. Из щели между ступенью и стеной вырвался чёрный поток воды. Вместе с ним на плитку выпали обрывок серого рабочего ремня и окровавленная человеческая кисть с лоскутом синей ткани.

Затем лестница над их головами обвалилась.

В тот день Матвей не просил мать ни о чём сложном. Ему хотелось только знать, что с его ногой. Боль не была постоянной: иногда она уходила совсем, и тогда казалось, что всё обойдётся царапинами. Но стоило Дарье попытаться переставить его на сухое место, как от пятки до колена проходила горячая полоса, и он непроизвольно вскрикивал.

Марк располосовал свою запасную футболку на широкие полосы. Узловая повязка держалась плохо, ткань быстро промокла. Дарья знала, что нельзя туго перетягивать голень без показаний, и всё-таки каждые несколько минут проверяла, не стала ли стопа холоднее. Мальчик внимательно следил за её лицом.

— Ты так на меня не смотри, — сказал он.

— Как?

— Как когда бабушка упала. До скорой.

Дарья отняла руки. Прошлой весной бабушка Матвея действительно сломала шейку бедра, и Матвей тогда впервые увидел, как взрослые теряют спокойствие. Он запомнил это лучше, чем сами слова врачей.

— Я смотрю, потому что нужно видеть повязку, — объяснила она. — А ещё потому, что ты мой сын. Это можно?

— Можно.

Они сидели возле технической двери. Сквозь неё просачивалась вода. Каждый раз, когда капля падала с трубы на пол, Матвей вздрагивал. Чтобы отвлечь его, Дарья стала расспрашивать про контрольную по истории. Он ответил с неожиданной злостью:

— Да плевать на неё, мам. Ты понимаешь? Вообще плевать.

— Понимаю.

— Нет, ты всё время говоришь, будто завтра у нас обычный день.

Она хотела возразить, но в этом была правда. Всю жизнь Дарья справлялась с чужой бедой, раскладывая её на понятные действия: измерить давление, освободить дыхательные пути, записать время, вызвать нужного специалиста. Собственную беду разложить на пункты не получалось.

— Тогда давай просто посидим, — сказала она.

Матвей уткнулся лбом ей в плечо. Они не знали, сколько ещё выдержит лестница за углом и сколько тварей скрывается в подвале. Зато в этот момент Дарья могла держать сына так, чтобы не задеть раненую ногу. Она сосредоточилась на этом маленьком результате.

Марк подошёл с найденной в подсобке бутылкой воды. Крышка была целой, этикетка потёртой. Он предложил Дарье попить первой. Она отказалась — привычная глупость человека, который считает, что заботиться о себе неприлично, пока рядом есть пострадавшие.

— Выпей, — сказал Марк. — Если упадёшь в обморок, мне придётся тащить двоих.

Она послушалась. Вода была тёплой и пахла пластиком. Обычный неприятный вкус казался доказательством, что внешний мир ещё существует.

Издали, за двумя дверями, пришёл голос пожарного. Он несколько раз назвал номер подъезда, потом стал просить всех, кто слышит, отозваться. Марк уже поднялся, чтобы крикнуть, но Матвей схватил его за рукав.

— Подожди. Они приходят на голос.

Марк замер. Дарья вытащила из кармана телефон и набрала короткое сообщение диспетчеру: «Мы живы. Есть раненый ребёнок. В здании опасные животные. Они реагируют на звук.

Нужен выход без голосовых сигналов». Сообщение долго висело с серой иконкой отправки. Затем значок сменился.

На экране появился ответ: «Приняли. Не двигайтесь к шахтам. Ищем доступ». Она показала его Матвею. Он прочитал дважды.

— Значит, нас ищут?

— Да.

— А если не найдут?

— Тогда будем искать сами. Но сначала дадим им возможность сделать свою работу.

Он кивнул. Матвей знал, что мать не обещает невозможного. Именно поэтому её слова действовали сильнее, чем крики «всё будет хорошо». Впервые с момента падения лестницы мальчик закрыл глаза не от боли, а от усталости.

Глава 7. Наружу

После грохота Дарья несколько секунд не слышала ничего, кроме тонкого свиста в ушах. Она лежала на боку, обнимая Матвея. Пыль стояла столбом. Где-то поблизости кашлял Марк.

Снаружи глухо били по двери. Кто-то кричал её имя.

Первой поднялась Тамара Петровна. Она отряхнула волосы, посмотрела на бетонный обломок, чудом не задевший её ноги, и сказала:

— Вот теперь точно ремонт.

Марк засмеялся — коротко, нервно — и тут же закашлялся снова.

Дарья ощупала сыну спину и голову. Матвей был в сознании. Лицо серое от пыли, в глазах ужас. Она обернулась к двери: стекло уцелело, но отрезок лестничной клетки между ними и выходом оказался завален плитами и арматурой. До улицы было меньше десяти метров. Пройти нельзя.

— Мы здесь! — крикнула Дарья.

За стеклом появился Соколов. Он показывал что-то рукой, но сквозь гул и пыль слов было не разобрать. Марк достал телефон. Связь работала плохо; звонок оборвался. Он написал сообщение капитану, номер которого успел сохранить: «Четверо за завалом. Первый этаж. Проход закрыт. Воды прибывает».

Тамара показала на служебную дверь справа.

— Там выход во второй подъезд, через кладовую. Раньше был.

— Заколочен, — сказал Марк. — Я видел.

— А ты проверь. Умный нашёлся.

Они двинулись к двери. Матвей хромал, но шёл сам, держась за Дарью. Кровь просочилась сквозь повязку. Вода покрывала плитку тонким слоем. В ней плавали обрывки старой изоляции и чёрная земля, которой в техническом коридоре быть не должно.

Марк дёрнул ручку. Дверь открылась на несколько сантиметров и упёрлась в деревянный щит. Он посветил в щель. Щит держали три ржавых самореза.

— Помогайте.

Тамара подсунула поварёшку под доску. Дарья взяла металлический пожарный щиток со стены и ударила по креплению. Доска треснула. Ещё несколько ударов — и проход расширился настолько, что первой смогла протиснуться соседка.

По ту сторону пахло старой краской. Вёл узкий коридор, заставленный выброшенными дверными полотнами. В конце горела лампа аварийного освещения.

— Туда, — сказал Марк. — Это кладовые второго подъезда. Дальше лестница.

Они успели пройти половину коридора, когда из шахты за стеной донеслось негромкое щёлканье.

На этот раз не одно.

Ему ответило другое, ниже и реже.

Затем третье.

Дарья остановилась. Она знала этот звук. С той стороны, за мокрым кирпичом, переговаривалось сразу несколько существ.

— Марк, — сказала она, — оно там не одно.

Он кивнул, не оборачиваясь.

— Я понял. Поэтому мы сейчас не останавливаемся.

Снаружи наконец завывала сирена второй пожарной машины. Слышно было так близко, что хотелось закричать и побежать на звук. Но между коридором и улицей оставались две железные двери, и из-под одной уже тянулась узкая полоска воды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТЕНЫ

Глава 8. Кладовая

Второй подъезд прежде считался более благополучным. Здесь было чище, жильцы сами собирали деньги на цветы в холле, а на первом этаже стояло длинное зеркало. Теперь от его нижнего края свисала паутина трещин. За зеркалом кто-то методично скрёб стену.

Марк попробовал дверь на лестницу. Она оказалась закрыта с той стороны металлической перекладиной. Между коробкой и полотном проходил холодный воздух.

— Технический проход закрыли самодельной перекладиной, — сказал он. — Это не штатный эвакуационный выход, но теперь и этот путь оказался отрезан.

— У нас тут многое нельзя, — отозвалась Тамара.

Она присела на ящик, утирая пот рукавом. Несмотря на бодрость, после бегства по лестнице у неё тяжело поднималась грудь. Дарья осмотрела её лицо, велела сесть ровнее и немного отдышаться. Старуха рассердилась, но послушалась.

Матвей опирался на стену и не жаловался, хотя повязка на ноге стала тёмной. Дарья хотела перевязать его снова, однако аптечка осталась в квартире. У Марка нашлись стерильные салфетки от случайного пореза и рулон широкого скотча.

— У тебя всегда это с собой?

— Если ковыряешься в чужих щитах, оно нужно чаще отвёртки.

Они укрепили повязку. Затем Марк позвонил Соколову. На этот раз связь держалась.

— Мы в техническом коридоре между подъездами. Штатная незадымляемая лестница первого подъезда выше свободна, но до неё отсюда не добраться: на нижнем уровне обрушился переход, там вода и эти животные. Выход из технического коридора перегородили строители, здесь дверь снаружи на самодельной планке.

— Понял. Я снаружи вижу окно этого коридора. Оно под козырьком, высоко от земли, но попробуем открыть доступ. Сидите подальше от шахт. Если слышите движение — сразу отходите выше, — ответил капитан.

— Выше чего? — спросил Марк, глядя на закрытую дверь.

Соколов не успел ответить. В динамике хлопнуло, заорал человек, потом связь оборвалась.

Из дальнего конца коридора слышался стук. Не металлическое царапанье твари, а человеческие удары кулаком: три быстро, два медленно.

— Есть кто? — крикнул мужской голос.

Марк осветил фонарём вдоль труб. За узким поворотом в воздухе стоял запах горелых проводов. Там была маленькая дверь с табличкой «Помещение связи». Кто-то бил в неё изнутри.

— Живой! — крикнул голос. — Пожалуйста, откройте!

Из-за двери раздался ещё один голос — женский, шептавший: «Не открывай, не открывай».

Дарья оглянулась на остальных. Они все слышали это. Здесь было легко испугаться любого звука и начать считать людей чудовищами. Но обычный человек тоже мог оказаться заперт в комнате без окон, пока снаружи рушился дом.

— Как зовут? — спросила она.

— Алексей. Электрик. Я тут обслуживал усилители. Ключи в щите снаружи. Только быстрее, у меня тут вода.

Марк нашёл маленький бокс с ключами. Один замок был сломан, два целы. За дверью скрипело, будто кто-то передвигал мебель.

Дарья сказала:

— Алексей, отходите от двери. Сейчас откроем. Если внутри ещё кто-то есть, скажите.

— Я один, — прохрипел мужчина.

А женский голос за дверью произнёс уже громче:

— Не открывайте. Оно ждёт над ним.

Марк поднял фонарь. Над дверью в узком проходе между кабельными лотками что-то медленно сжалось, прилипнув к бетонному потолку. Это было мокрое тело, сложенное в несколько невозможных коленей. Оно висело вниз головой, и тонкая ротовая щель раскрывалась беззвучно.

— Назад, — прошептал Марк.

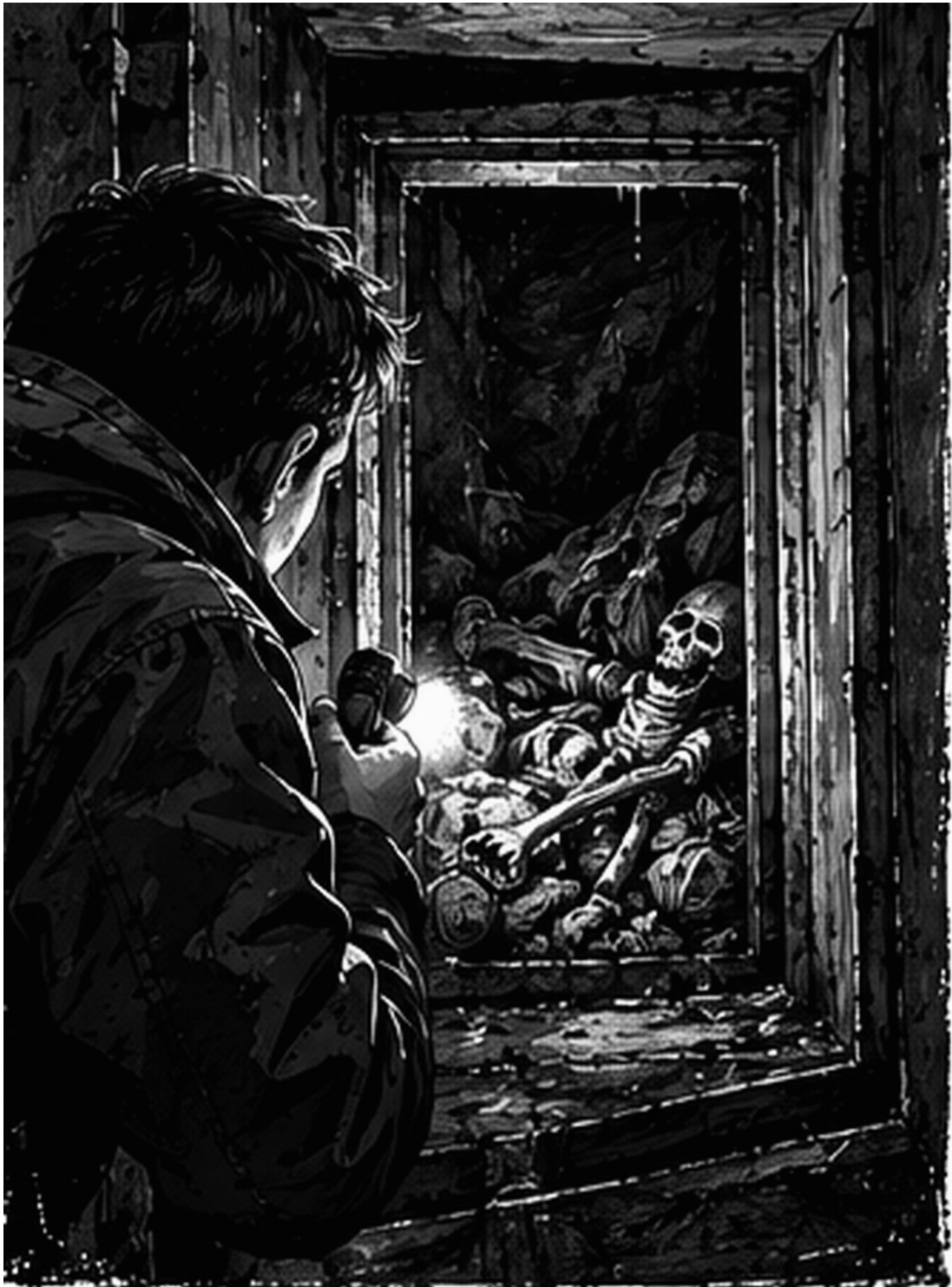
Но Тамара уже ударила поварёшкой по отопительной трубе. Звук получился оглушительным. Существо сорвалось с потолка и прыгнуло не на людей, а на самый звонкий участок трубы. Железо прогнулось, полетели осколки краски. Марк успел схватить Тамару и оттолкнуть за дверной выступ.

Дарья с Матвеем бросились в сторону лестницы. За их спинами существо разорвало трубу. Горячая вода ударила ему в морду, оно дёрнулось и отступило. Из пара слышалось сухое беспорядочное щёлканье.

Марк рванул дверь на себя. Алексей выпал в коридор прямо ему в руки. Электрик был мокрый до пояса, но живой. Он смотрел не на существо, а на вентиляционную решётку в потолке своей комнаты.

— Там ещё одна, — сказал он. — Маленькая.

Глава 9. Звуки в трубах

Через несколько минут помещение связи заполнилось паром от лопнувшей трубы. Марк отыскал вентиль и перекрыл подачу. Существо исчезло за подвесным потолком, оставив в мокром гипсе длинную трещину. Побегать следом оно почему-то не пыталось.

Алексей Круглов, электрик обслуживающей организации, дрожал и долго не мог развязать шнурки. Он рассказал, что спустился в технический коридор ещё до эвакуации. Когда

отключилось питание усилителя связи, он полез проверять распределительную коробку. Услышал скрежет за дверью и заперся изнутри.

— А голос женский? — спросила Дарья.

Алексей поднял на неё пустые глаза.

— Какой голос?

— Мы слышали, кто-то говорил «не открывай».

— Телефон, — объяснил он, показав разбитый экран. — Жена вчера прислала голосовое. Телефон заело, и запись снова и снова включалась. Она предупреждала: не ходи ты больше в этот подвал.

Это объяснение было таким обычным, что Дарья чуть не рассмеялась. Она давно хотела услышать хоть одну странность, у которой есть нормальная причина.

Алексей достал из кармана связку инструментов. Среди них была маленькая трубная защёлка.

— Эти твари идут на звук, — сказал Марк. — Видели, как она бросилась на трубу?

— Нет, — ответила Дарья. — Она бросилась туда, где вибрация была самой сильной. И когда её ошпарило, ушла. Значит, всё-таки чувствует боль.

Матвей осторожно поднял голову.

— У неё там, в горле, щёлкало. Я видел. Может, она так слышит, как летучая мышь?

— Может, — сказал Марк. — Проверять не станем.

Снаружи в стекло технического коридора ударили два раза. Показался пожарный в маске, затем второй. Они принесли гидравлический разжим и попытались выбить запёртую дверь. Стекло не разбивали: над козырьком нависал крупный кусок фасадной плиты, и падение могло убить любого внизу.

Соколов кричал сквозь дверь:

— За перегородку, мы сейчас пилим!

Пожарные закрепили инструмент. Металл начал расходиться, перекартина отогнулась. В этот момент в коридоре за стеной послышалось несколько быстрых ударов — как если бы огромная собака бежала по жестяной крыше. Разжим прекратил работу.

— Что у вас? — крикнул Марк.

Ответа не было.

У окна за стеклом появилась фигура пожарного. Он махнул рукой вниз, потом резко отскочил. Из соседнего подвального продуха наружу вылетела белая конечность, схватила его за рукав и потянула под козырёк. Второй пожарный ударил по ней инструментом. Из темноты показалась пасть, раскрылась почти на всю ширину головы, захватила шланг и дёрнула так, что человек упал.

Соколов выстрелил сигнальным зарядом в сторону твари. Красный огонь ударил о бетон, осыпал тёмную щель искрами. Существо отпрянуло и исчезло под плитой.

За дверью послышалось:

— Отходим! Выводите людей от фасада! Быстро!

Марк приложил ладонь к нагревшемуся от работы инструменту, зажатому в металлическом шве. Дверь почти поддалась, оставалось ещё несколько сантиметров. Но снаружи уже не было безопасной площадки, куда можно выйти. Под навесом шевелились белые мокрые лапы.

Дарья схватила телефон и набрала Соколова.

— Скажите честно. Сколько их?

Капитан тяжело дышал. На фоне слышались сирены и команды.

— По крайней мере три. Две маленькие и одна крупнее. Двигаются по продухам. Мы отходим к машинам и готовим доступ сверху. Никто из вас не открывает нижние двери, слышите?

Дарья посмотрела на Матвея. Он сидел на ящике с перевязанной ногой и очень старался не плакать.

— Слышу, — ответила она.

Тамара Петровна, бывшая учительница математики, двадцать лет ругалась на молодёжь за привычку оставлять пакеты с мусором у лифта. Это было её единственное постоянное развлечение после смерти мужа: спуститься с восьмого этажа, встретить виновника и прочитать лекцию о том, что общий дом начинается с собственного порога.

В день аварии она вышла с кастрюлей гречки. Собиралась отнести обед соседке Зинаиде Сергеевне, у которой болела нога. У лифта стояли двое спасателей, просили вернуться в квартиру. Тамара уже хотела объяснить, что раньше здесь жила и без их указаний, но услышала чёткий металлический треск под ступенями. Он совсем не был похож на удар по батарее.

Спасатель вдруг поднял руку, приказав молчать. Тамара увидела, что пальцы у молодого мужчины дрожат. За его плечом из щели между шахтой и стеной вытекала густая мутная вода. По воде скользнуло бледное пятно, похожее на лишённую кожи спину.

— Назад, — тихо сказал спасатель.

Тамара попятилась и ударилась о перила кастрюлей. Крышка зазвенела, упала на площадку и покатилась к дверям лифта. Всё произошло в одно мгновение: спасатель дёрнул женщину к себе, второй бросил в шахту осветительный прибор, а из темноты вывернулась длинная суставчатая конечность.

Тамара помнила не чудовище. Она помнила, как первый спасатель загородил её собой. В тот момент он, должно быть, понимал, что у него нет времени достать инструмент. Он просто толкнул старуху к лестнице и остался возле шахты. Раздался хруст, и Тамара побежала вверх, цепляясь ладонью за шероховатую стену.

На пятом этаже она остановилась от нехватки воздуха. Мужчина в домашней майке открыл дверь и закричал, что она мешает ему слушать новости. Тамара схватила его за воротник:

— Закрой дверь! И никого в подъезд не пускай!

Мужчина хотел ответить, но внизу кто-то тяжело ударил по ступеням. Он захлопнул дверь без дальнейших споров.

К восьмому Тамара дошла без кастрюли. Открыв квартиру, обнаружила, что оставила на лестнице и ключ от почтового ящика, и трость. У окна стоял старый кухонный стул. Она села и долго смотрела во двор: машины, дождь, дети на качелях, два человека с зонтом. Всё казалось неправильно устроенным, потому что одновременно существовали обычная улица и нечто, способное разорвать человека в нескольких метрах от неё.

Её сын жил в другом городе. Тамара набрала номер и, когда он ответил, вместо объяснений спросила:

— Ты сегодня ел?

— Мам, что случилось?

— Я спросила, ел ли ты.

Он сказал, что ел. Она положила трубку. Ей было страшно произнести то, что она увидела, и ещё страшнее было навсегда остаться с ним одной.

Когда позже в дом вернулись Кирилл и Дарья, Тамара оказалась одной из немногих, кто сумел быстро собрать вещи: документы лежали в жестяной коробке, лекарства — в подписанном пакете, фонарик — в верхнем ящике комода. Но перед уходом она всё-таки отнесла Зинаиде Сергеевне остатки гречки. Когда вернулась к лестнице, захватила тяжёлую поварёшку: оружие смешное, зато железное. Зинаида увидела на рукаве Тамары кровь и не стала спрашивать, чья она.

— Внизу шумят, — сказала соседка.

— Знаю.

— Это ремонт?

Тамара не нашла слов. Она просто поставила кастрюлю на стол и приказала соседке надеть пальто. Было легче командовать, чем рассказывать правду.

Глава 10. Человек с ключом

В коридоре становилось холодно. Перекрытая труба перестала давать тепло, на полу собиралась вода. Алексей показал на плоский металлический шкаф возле потолка.

— Есть старый вентиляционный лаз к мусоросборной камере, — сказал он. — Оттуда на лестницу второго подъезда. Раньше лаз был нужен для ремонта вытяжки. Сейчас, кажется, заложили кирпичом.

— А туда эти твари пролезут? — спросила Тамара.

— Они уже везде пролезают, — ответил Марк. — Но если другого пути нет, попробуем.

Они сдвинули шкаф и обнаружили узкую дверцу. Она открылась в тяжёлый запах сырости. Внутри лежала старая лестница, ржавое ведро и несколько кабелей. Через метр проход загибался вверх.

Марк залез первым. За ним — Дарья, подталкивая Матвея. В тесном лазе мальчик застонал, задев раненой ногой арматуру. Дарья сняла с себя куртку, обернула её вокруг колена сына и велела ему двигаться медленно. Тамара оставалась последней. Алексей держал фонарь и освещал им спины.

На середине прохода их остановило странное препятствие. В кирпичную стену была вварена толстая решётка. Прутья недавно резали: торцы блестели чистым металлом. Внизу лежал аккумуляторный резак, обёрнутый полиэтиленом.

— Тут кто-то работал, — сказал Марк.

— Строители, — ответил Алексей. — Вчера они сюда лазили. Я говорил Борисычу, чтобы не трогали старые ходы, а он всё твердил: «Там медный кабель, не твоё дело».

— А этот Борисыч — Бородин?

— Он. С бригадиром они три вечера ходили вниз. Искали что-то по карте.

Марк осмотрел резак. Заряд почти полный. Он развернул инструмент и принялся перепиливать оставшийся верхний прут. От шума вибрировали стены. Дарья несколько раз прислушивалась, не слышно ли щёлканья.

Когда прут поддался, решётку отогнули. В тесной камере за ней стояла неожиданно чистая пластиковая канистра с соляровкой. Рядом лежала пачка перчаток и чужой рабочий ботинок с оторванной подошвой.

— Юркин, — сказал Алексей. — Это сапог Семёнова.

— Кто такой Семёнов?

— Сварщик. Ночью должен был заварить проём. Не вышел. Бородин сказал, что он запил.

Марк убрал фонарь от сапога. На подошве застряла белая короткая щетина — не волосы, а твёрдые заострённые стержни, которые оставляли царапины на перчатке.

В дальнем конце камеры появилась дверь. За ней было слышно, как кто-то спускается по металлической лестнице. Шаги были человеческие — осторожные, с паузами.

— Есть кто живой? — крикнул Алексей.

— Тихо! — ответили из-за двери. — Откройте быстрее!

Марк поднял резак как оружие, но дверь толкнул человек. Перед ними оказался Бородин — без каски, с мокрыми волосами и кровавым следом на воротнике.

— За мной, — выдохнул прораб. — Я знаю запасной выход.

— Почему ты здесь? — спросил Марк.

— Потому что наверху уже не выйти. Они в шахте. И мне нужен ваш фонарь.

Он полез к Алексею, но тот отступил. Из-за спины Бородина в лестничном пролёте донёсся короткий сухой шелчок.

— Кто за тобой? — спросила Дарья.

Бородин замер.

— Я не один пришёл, — признался он. — Со мной рабочий был.
Снизу прозвучал тяжёлый удар, затем влажный треск.
— Был, — повторил Бородин.

Глава 11. Сигнал на девятый

Отсюда уже было слышно улицу. Далеко наверху работала сирена, кто-то говорил в громкоговоритель, требуя освободить двор. Но вниз, по лестнице за Бородиным, поднималось другое — медленно и уверенно. Металлические ступени звенели под тяжестью.

Марк захлопнул дверь камеры и подтолкнул к ней пустой шкаф. Бородин немедленно вцепился в рукав Дарьи.

— У вас ребёнок. Вы же не хотите, чтобы с ним что-нибудь случилось? Пойдёмте, я выведу всех через старый проход.

— Сначала скажите, что там внизу, — ответила Дарья.

— Я не знаю, как это называется. Оно оттуда вылезло. Мы стенку вскрыли, чтобы кабель снять. Там старый коллектор, его должны были залить бетоном ещё при строительстве дома. Я думал, закрыли давно.

— Вы знали, что там опасно?

— Я знал, что там может быть газ и вода. А вот таких зверей мне в смете не писали.

Он говорил быстро, срываясь на сипение. Дарья увидела, что под его курткой на плече темнеет рана. Края ткани были рваные, как после укуса.

— Идите впереди, — сказала она. — Только медленно. И руки от сына уберите.

Бородин показал на лестницу, ведущую вверх. Они поднялись на два пролёта и вышли в кладовую мусоропровода второго подъезда. Здесь всё было знакомым: зелёные стены, запах кошачьего корма, детский велосипед с треснувшим колесом. Через закрытую дверь на площадку просачивался дневной свет.

— Это второй этаж, — сказал Марк. — Отсюда обычная лестница на улицу.

Бородин дёрнул дверную ручку. Замок не открывался.

— Ты говорил, есть ключ, — напомнила Дарья.

— У меня ключ от нижнего хода, а здесь другой. Сейчас выйдем.

Они навалились на дверь. Снаружи ответил голос:

— Не ломайте! Я сейчас!

Замок щёлкнул. На пороге стоял Кирилл Жуков, подросток лет шестнадцати в наушниках на шее. В руках он держал смартфон и отвёртку. На площадке за ним было тихо.

— Я услышал, как вы стучите. Тут всех выгнали уже, — сказал он. — Пожарные сказали уходить, а я за сестрой вернулся.

— Где сестра? — спросила Дарья.

— На девятом, с бабушкой. Бабушка после операции, сама не спускается. Я позвонил ей, она дверь закрыла. Сейчас вместе заберём.

— У тебя телефон работает? — спросил Марк.

— Интернет иногда. Я видео отправил спасателям. Там такое... — Кирилл замолчал и показал экран.

На съёмке виднелась лестничная площадка. Кирилл снимал через глазок двери, как по полу волочится белое тело. Существо двигалось спиной вверх, опираясь на очень длинные передние конечности. За ним оставался влажный след. Когда оно оказалось под лампой, стали видны складки по всему животу. Оно было больше взрослого человека, но двигалось так, словно кости его не ограничивали.

Существо остановилось у двери на седьмом этаже. Поднялось на задние конечности и приложило к дереву гладкую морду. Затем ударило по замку.

Не один раз.

Три коротких удара.

— Видите? — сказал Кирилл. — Оно стучит. Я думал, оно дверь выбивает.

Тамара Петровна обняла плечи подростка.

— Ты сначала свою бабушку спаси, потом уж кино снимай.

— Она на девятом, — повторил Кирилл. — И Аня с ней. Ей пять. Бабушка не может быстро идти.

Дарья посмотрела на Матвея. У него посинели губы, он с трудом стоял. Она знала, что должна немедленно вывести сына. Но лестница вниз к выходу второго подъезда проходила мимо непросматриваемого первого этажа, а снаружи у подвальных продухов уже видели существ.

Она позвонила Соколову.

— Мы на втором этаже второго подъезда. Пять человек и подросток. Один ребёнок ранен. Можно выйти обычной лестницей?

— Стойте, — ответил капитан. — Там над входом просела фасадная плита. Мы ставим подпорку, сейчас опасно. Выше второго поднимайтесь, но не к лифту. Чуть позже заберём по автолестнице.

Дарья повернулась к Кириллу.

— Веди на девятый. Соседку мы одну не оставим.

Глава 12. Квартира сто двадцать шесть

Лестница второго подъезда была узкая, с желтоватым светом и запахом чужих обедов. На четвёртом они увидели первую брошенную обувь: женские тапочки стояли возле открытой двери, а на подоконнике лежал детский рисунок. Рядом кто-то написал маркером: «Ушли через двор».

На пятом Дарья остановилась, чтобы проверить Матвею повязку. Кровь не текла струёй, но ткань промокала вновь. Мальчик не говорил, что ему больно. Дарья знала: это не геройство, а страх, что она заставит его лечь и оставить кого-нибудь одного.

— Слушай меня, — сказала она ему. — Если станет кружиться голова, говоришь сразу. Тут никому не нужны молчаливые герои.

— Ты сама такая, — ответил он.

У неё не нашлось возражения.

На девятом этаже дверь сто двадцать шестой квартиры была обмотана изнутри цепочкой. Кирилл постучал и громко назвал себя.

— Бабуль, это я! Открывай!

Женщина за дверью не спешила. Сначала спросила имя его школьного друга. Потом — что он ел на завтрак. Кирилл раздражённо ответил и только тогда щёлкнула цепочка.

Бабушка, Надежда Ивановна, сидела в инвалидном кресле с одной ногой в ортезе. Рядом стояла пятилетняя Аня с плюшевым зайцем. В квартире пахло супом и лекарствами. По телевизору шёл выпуск новостей, внизу экрана бегала строка о закрытом движении на Садовой.

— Видишь, я не одна, — сказала женщина внуку, показав кухонный нож. — Думала, доберётесь до нас.

Аня бросилась к Кириллу. Он взял её на руки и едва удержался от слёз.

Марк оценил размеры кресла и площадки.

— На автолестницу его так не перенести. Нужно кресло спустить хотя бы на четвёртый, а дальше пожарные помогут. Но у меня вопрос: кто перекрыл главный выход второго подъезда?

— Твои строители, — ответила Надежда Ивановна Бородину, заметившемуся в дверях. — Я им ещё весной говорила, что там трещина. Они сказали, всё в порядке, отвалится — отремонтируют.

Бородин ничего не ответил. Он осматривал квартиру. Особенно его интересовала вентиляционная решётка над плитой.

Дарья достала у Надежды Ивановны аптечку, сменила повязку сыну и осмотрела рану у Бородина. На плече у прораба виднелись следы проколов, уходившие глубоко под кожу. Вокруг ран развивался отёк.

— Когда укусило?

— Час назад.

— Врачи нужны вам срочно. В госпитале, возможно, придётся оперировать.

— Пока меня отсюда не вынесут, не оперируйте, — зло сказал он.

Он держался за столешницу и старался не смотреть на воду, которая медленно сочилась из-под батареи отопления.

Кирилл показал Дарье ещё один фрагмент видео, снятый несколько дней назад с окна девятого этажа. На записи строительный грузовик подъезжал к подвалу вечером, когда все рабочие должны были разойтись. Из кузова вынимали металлические решётки, старые толстые трубы и медные катушки.

— Они все ночами ходили, — сказал Кирилл. — Я снимал, чтобы бабушке показать. Она думала, квартиру обокрадут, пока нас нет.

Бородин шагнул к нему.

— Удали видео.

— С какой стати?

— Ты не понимаешь, что там снято.

Дарья перегородила ему путь.

— Значит, объясните.

Бородин ещё секунду смотрел на Кирилла, потом опустился на стул. Его лицо покрылось каплями пота.

— Мы нашли за стеной не кабель, — сказал он. — Там было старое оборудование. Насосы, чугунные затворы, медь. Всё законсервировано. Люк обваренный, табличка «Не вскрывать». За эти насосы и медь на металлоломе мне обещали полмиллиона. Я думал, в подвале обычная старая станция. А потом Юрка пропал.

Вентиляционная решётка над плитой едва заметно выгнулась.

Надежда Ивановна первой подняла голову.

— Тихо, — сказала она. — Там кто-то дышит.

Глава 13. Три метра воздуха

Соколов вывел автолестницу к фасаду второго подъезда. Машина заняла половину двора. Люлька автолестницы остановилась напротив окна шестого этажа. Пожарный открыл створку, оценил, достаточно ли места для безопасной передачи людей, и передал Дарье рацию.

— Кто в квартире сто двадцать шесть? — спросил он. — Сколько маломобильных?

— Один человек в кресле, двое детей, четверо взрослых. Есть раненые, — ответила Дарья.

— Ваша задача — спуститься до шестого. Там заберём. Не пользуйтесь лифтом. Если услышите посторонние звуки в коробах, отойдите от стен и звоните.

В квартире Надежды Ивановны пришлось решать, как переносить хозяйку. По рации Дарья уточнила у спасателей, как сохранить неподвижность больной ноги. Разбирать кресло Марк не стал: его рама не была рассчитана на перенос человека по лестнице. Для вынужденного спуска они использовали прочное эвакуационное полотно с лямками, которое спасатель передал из квартиры у лестничной площадки. Алексей и Кирилл держали боковые петли, Марк страховал снизу, Дарья контролировала положение ноги. Надежда Ивановна терпела молча, только иногда стискивала зубы от боли.

Аня шла за руку с Тамарой. Матвей держался за Дарью. Бородин замыкал группу, оглядываясь каждые несколько шагов.

На восьмом этаже из квартиры слева слышался звук работающего телевизора. Никто не обратил бы внимания, если бы одновременно дверь не приоткрылась.

На пороге стоял мужчина лет сорока в домашних брюках. Он прижимал к груди кота.

— Это что, эвакуация? — спросил он. — Я всё жду, когда придут. По телевизору ничего не говорят.

— С нами идите, — ответила Дарья.

— Да у меня кот, документы. Я только пять минут.

— Не пять. Прямо сейчас. Кота берите.

Мужчина обернулся в квартиру. Там из кухни доносился тихий скрежет. Кот в его руках распушился, выгнул спину и зашипел. Хозяин посмотрел на воздух за спиной, словно увидел что-то, и тут же захлопнул дверь.

— Иду, — сказал он.

Он так и вышел на босу ногу, в двух разных домашних тапочках.

На площадке седьмого этажа Марк услышал знакомое щёлканье. Оно шло из вентиляционного короба у потолка. Не один голос, а несколько коротких сухих щелчков, которые переклёвывались, будто капли дождя по жестяному козырьку.

Он остановил переноску.

— Все к стене, ближе к перилам. И молчим.

Шум быстро приблизился. Решётка начала выгибаться. Через тонкие щели выступила белая слизь. С той стороны что-то прижималось к металлу всем телом.

Марк достал из кармана автомобильную сигнализацию — маленькую коробочку с динамиком, которую нашёл в кладовой. Он включил её и положил на подоконник у открытой фрамуги. Пронзительный писк отскочил от стен.

Из решётки выстрелила конечность. Она схватила коробочку и раздавила её. В тот же миг Марк крикнул:

— Бежим!

Группа двинулась вниз. Алексей и Кирилл почти несли Надежду Ивановну. Дарья поддерживала Матвея. Мужчина с котом, которого звали Николай, прикрывал Аню со спины.

На шестом они увидели пожарную корзину за окном. До неё было не больше трёх метров воздуха. Пожарный уже протянул руки за первым ребёнком.

Аня, оказавшись на лестничной площадке, заупрямилась. Она указала на пол у стены.

— Там мама зайца, — сказала она.

Плюшевый заяц выпал из её рук на пятом этаже. Тамара резко покачала головой.

— Другого куплю, десять куплю. Сейчас идёшь.

Аня заплакала. Никто её не уговаривал. Кирилл передал сестру пожарному, тот пристегнул девочку к ремню в корзине. Затем приняли Матвея, положили на пол и укрыли термоодеялом. Дарья впервые за долгие часы увидела сына по другую сторону опасности.

— Мам! — крикнул он. — Ты со мной?

— Следующим рейсом. Я рядом.

Но когда корзина отошла от окна, в лестничной клетке за их спинами раздался грохот. Пожарная дверь шестого этажа хлопнула, затем выгнулась наружу. В трещине между стеной и коробкой мелькнула белая морда.

Соколов по рации приказал людям отойти от окна. Корзина с детьми быстро спускалась к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.